

Елена АРСЕНЬЕВА

НОЧЬ

Елена Арсеньева

Ночь

«Автор»

2019

Арсеньева Е. А.

Ночь / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2019

Ну и попал неудачливый поэт Ерасимов в историю! Подобрал темной ночью на улице какую-то девицу, думал, она горбатая, а оказалось – крылатая. И не просто девица это, а Муза. Что же с ней делать? Вроде, баба как баба, а толку никакого. И вдохновение Ерасимова не посещает. И стихи не рождаются. Беда, словом. Но что же теперь с этой Музой делать, вот вопрос!

© Арсеньева Е. А., 2019

© Автор, 2019

Елена Арсеньева

Ночь

Была уже ночь, когда Ерасимов возвращался домой. В стеклах тлел лунный свет, на углах мерцали недобитые фонари.

Влажно, горьковато пахли тополя. Ветер сдул все сережки, и утром тротуар казался усыпанным малиной. Сейчас под ногами тихонько похрустывало. Ерасимов старался ступать мягче, но тут же забывался, и шаги его опять становились тяжелыми шагами обиженного человека.

Вдруг впереди послышалась возня.

Ерасимов поднял голову. Под аркой сопел мужчина:

– Да погоди!.. Да куда ты!..

Резко, тонко стонала женщина.

У Ерасимова мурашки по коже побежали. Ноги сами понесли его в подворотню.

Там было темно и узко, как в горлышке пивной бутылки. Ерасимов даже размахнуться не мог, не ободрав кулака о кирпичные стены, он не различал ни правого, ни виноватого, а потому сгреб обоих в охапку и выволок на тротуар. Женщина сразу поникла на землю, а мужчина рванулся было, да Ерасимов держал крепко.

По сравнению с провальной тьмой подворотни здесь, под звездами и луной, было очень даже светло, и обидчик показался Ерасимову чем-то знакомым – и уж совсем не похожим на злодея-насилника: небольшой, толстенький, мягкий, словно бы даже пушистый: такое впечатление производили его волосы и курточка.

– Скотина! – крикнул Ерасимов, тресая его что было сил.

– Да я не... я не... – заикался в его руках мужичок. – Да нужна она мне семь лет!

Обидчик был пьяноват, поэтому не столько испугался, сколько возмутился. Дергался, как жиренький карасик на крючке, и пыхтел:

– Пусти! Ты что?! Я же Генка Щекиладко, из котельной! Со смены шел, а она...

Ерасимов вспомнил, что и правда слышал фамилию Щекиладко на одном из собраний, еще когда работал на заводе, да и видел его, конечно. А Щекиладко продолжал рваться:

– Я ее поймать хотел. Показать!..

– Зачем? – не понял Ерасимов. – Кому? Что показать?

На миг он ослабил хватку, и Щекиладко выскользнул. Отскочив, крикнул:

– Нужна она мне! Я семейный! Двое пацанов! Да ты погляди, погляди только! Она же босая и... – Тут он произнес какое-то слово, Ерасимову послышалось – «горбатая», а Щекиладко, словно понимая что ему ничего больше не грозит, двинулся под арку, демонстративно напевая:

– Ай ку-ку, ай ку-ку, мне бы тол-стен-ку!..

Ерасимов наклонился над женщиной. Она неловко вытянулась – похоже, в обмороке; ноги у нее были босые, а под просторными складками серебристого плаща угадывался... горб.

И правда горбатая!

– Убогую обидел! – прорычал Ерасимов и на миг удивился этому слову в своих устах. – Я тебе!.. Гад!

Но Щекиладко рассыпал вдали такую частую дробь шажков, что стало ясно: его уже не догонишь.

Ерасимов опять склонился к женщине. Она не приходила в себя. «Скорую» вызвать! Но как? Мобильный забыт дома. Оставить ее валяться на холодном асфальте? Жалко! Лучше пойти к себе и оттуда позвонить, тем более, что вон он, дом.

Ерасимов осторожно подхватил женщину под голые колени и горб. Очень тяжело было, неловко, на он напрягся и медленно двинулся вперед.

Жил Ерасимов на третьем этаже, и он сперва долго брел по крутой лестнице, нашаривая ногами ступеньки, еле удерживая незнакомку, которая безжизненно оттягивала ему руку, и то пугался: не померла ли она с испугу, – то злился на жертву Щекиладки. Впрочем, винил больше себя: зачем навязал себе и эти хлопоты, и эту тяжесть, и эту ответственность. Не бросишь же ее теперь здесь, на полдороге, придется тащить к себе, терять время... а спать хочется – спасу нет!.. И почему-то Ерасимов подумал, что к соей «писанине» он последнее время относится так же, как к этой ноше: бросить невозможно, но понимаешь, что не стоило и связываться. Горько стало в горле...

Он почти добрел до своей двери, когда женщина вдруг упруго вздрогнула в его руках. Очнулась, слава Богу! Ерасимов хотел помочь ей встать, но его нога скользнула, он дернулся к перилам – и уронил незнакомку.

А она почему-то не упала. На миг повисла в воздухе и вдруг, подобно огромной ночной бабочке, ослепшей от света, заметалась по узкой лестничной клетке, то касаясь пола, то ушибаясь о стены и потолок, поднимая облако пыли, перемешанной с известкой, болезненно вскрикивая при ударах, вновь бросаясь на стены, словно птица, которая стремится вырваться на волю, разбив преграду своим телом и сильными крыльями.

Так вот что крикнул на прощание Щекиладко. Не горбатая, нет! «Она босая и крылатая!» То, что казалось горбом и широким плащом, было крыльями!..

Оцепенение Ерасимово прервал испуганно-ночной, осторожный и в то же время полный неистового любопытства звук. Такой звук возникает, когда пытаются бесшумно преодолеть сложную заградительную систему замков и цепочек.

Даром окатило Ерасимова – взмокли волосы на шее, а потом в холод бросило. Он кинулся к своей двери, вырвал из кармана ключ, вонзил его в скважину, и, когда вбегал к себе, ударило мыслью, что лучше бы сейчас захлопнуть дверь – проснуться от непостижимого сна, – но летунья, словно почуяв спасение, ворвалась во тьму ерасимовского коридора, и дверь захлопнуло порывом ветра. Тут же раздался тяжелый и мягкий звук: сорвалась вешалка с одеждой.

Потом стало тихо. Тихо и темно. Через окно комнаты вошла луна, узкая бледная полоска, словно зыбкий мост, пролегла от окна до коридора. И слова, призрачные, как лунный луч, возникли в уме Ерасимова, будто кто-то прошептал ему на незнакомом, но понятном наречии:

В час, когда день угас,
Не одна ль струит
На соленое море блеск,
На цветистую степь
Луна сиянье?..

– Как тебя зовут?

– ...

– Да ты не бойся!

– Я не страшусь тебя, о незнакомец беспечный. Ты мне обречен!

– Ничего себе! Не успела увидеть... Если я холостой, так это еще ничего не значит. Я ведь тебя и не разглядел толком. Кажется – извини, конечно, – ты женщина не моего типа. Я предпочитаю маленьких, черненьких. Опять же, крылья твои... А какого цвета у тебя глаза?

– Не знаю о том.

– Ну не злись ты!

– Нет, я не злюсь.

– Что ж глупости говоришь? Кокетка! Чтоб женщина не знала, какого цвета у нее глаза...

– Не называй меня женщиной, не нарекай словом чуждым.

– А? Пардо-он... И помыслить не мог, чтоб в наше время еще хоть кто-то... Ну, твои проблемы! Впрочем, ясно – крылья. Да, как-то трудно представить... Черт, неловко вышло. Ну извини, не дуйся. Погоди, сейчас свет включу, кофе сварим.

– Нет!!!

– Чего ты? Торопишься, что ли? Дома ждут? Не пойму вообще, как только тебя на улицу отпускают, да еще одну. Такую если неожиданно увидеть, с перепугу можно... это... Извини, конечно. А ты отсюда далеко живешь?

– О, далеко!..

– Ты прости, я, наверное, назойлив, но... ты так и родилась с... этим?

– Да. От рожденья меня носят крылья по свету.

– Вернее, ты их носишь, бедолага.

– Мы все такие – и жребий наш не тяготит нас.

– Да ты что?! Вся семья, что ли?!

– Да, мои восемь сестер от рожденья крылаты.

– Господи! Девять крылатых девок!.. А родители твои тоже уроды? То есть это... извини,

я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.